

*Памяти
Агаты Кристи*

Алекс Норк

**БОРЬБА
ПРОДОЛЖАЕТСЯ**

Алекс Норк

Борьба продолжается

«Автор»

2005

Норк А.

Борьба продолжается / А. Норк — «Автор», 2005

Имитация Агаты Кристи. Расследование убийства богатого буржуа в загородной усадьбе: убийца среди близких людей? проник извне? или это преступный сговор? Известный сыщик и его друг раскрывают непростую загадку. Имена главных героев слегка изменены с целью ненарушения авторских прав.

© Норк А., 2005

© Автор, 2005

Алекс Норк

Борьба продолжается

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Утренний, но уже очень теплый воздух, обещающая дневную жару, слегка надувал иторы на окне моего кабинета. Я расположился в удобном кресле, чтобы просмотреть после завтрака свежий номер «Таймс». Проглядывая страницу за страницей и мысленно отмечая те статьи, которые следует позже внимательно прочесть, я неожиданно увидел имя человека, о котором уже успел забыть. Но это имя сразу воскресило в памяти все те события полугодичной давности, которые так внезапно связали меня с чужими людьми и странными судьбами.

Вернувшись прошлой осенью после двухлетнего пребывания в Америке в дождливый октябрьский Лондон, я рассчитывал возможно уже в тот же вечер увидеть своего старого друга Пэро и даже пытался представить себе как он выглядит по прошествии двух лет с последней нашей встречи. Впрочем, размышляя я, в нем столько энергии и оптимизма, что никакое время над ним не властно.

Часа через два после приезда, разбирая корреспонденцию, которую в последних письмах к друзьям и деловым партнерам просил направлять по старому лондонскому адресу, я обнаружил небольшой конверт со знакомым напористым почерком.

Несомненно, это было письмо от Пэро. Я тут же не без чувства удивления вскрыл конверт. Зачем бы писать мне, если я сообщил о точной дате своего приезда на лондонскую квартиру, находящуюся, кстати сказать, в десяти минутах ходьбы от места, где он сам недавно поселился.

Увы, удивление оказалось не напрасным.

Письмо моего друга столь коротко, что было бы неразумно пересказывать его вместо того, чтобы привести здесь полностью.

Дорогой мой Дастингс!

Рад, что Вы в Лондоне, наконец. И глубоко опечален, что не могу в этот час пожать Вам руку. Случилось неприятное и непредвиденное. Нет, не в обществе, а в моем организме. Старость, топ амі, это большая гадость. На этот раз она заявила о себе не новой порцией седины, а сердечным приступом. Первый раз в жизни я узнал, что не вполне себе принадлежу. Оказывается, мой организм состоит из отдельных деталей, и любая из них вдруг может сказать: я не буду больше работать! Вот такое, представьте, заявление попыталось мне сделать сердце. Не ожидал и, по правде сказать, почувствовал что-то вроде грусти. Пришлось две недели пролежать в Центральном лондонском госпитале, а теперь выехать по требованию врачей в сельскую местность.

Приезжайте, Дастингс!

Далее шел подробный адрес.

Письмо меня взволновало. И честно говоря, подобного пессимизма от Пэро я никак не ожидал. Разве можно так остро реагировать на естественный жизненный ход? Что-то здесь не так. Или действительно возраст поубавил моему другу не только физические силы, но и духовную бодрость? Впрочем, тут же на меня нахлынуло чувство жалости к этому пожилому

и, в сущности, совершенно одинокому человеку. И желание как можно быстрее оказать ему посильную дружескую помощь. Я решил не откладывать и завтра же ехать. Тем более что это пятница и впереди еще два выходных дня. Развернув карту, я быстро отыскал указанное в письме небольшое сельское местечко. Не очень далеко – всего сорок миль от Лондона. Судя по расписанию, выехав в полдень, можно оказаться на месте уже к середине дня.

Погода на другой день выдалась наудачу теплая и солнечная. Последние полчаса в поезде я не отрывал глаз от окна, любуясь окрестными пейзажами. Местность была чуть холмистой с просторными лужайками и крупными раскидистыми стоящими в разрядку деревьями с листвою уже изрядно тронутой желто-красной осенней краской. Природа здесь как бы являла человеку пример разумного и жизнелюбивого спокойствия, и я с удовольствием думал о том, что эта обстановка поможет моему другу восстановить силы и избавиться от недуга и меланхолии. И как хорошо, что я отправился сюда не откладывая. Конечно же, он не ждет такого скорого приезда.

Однако первым, кого я увидел на перроне, был именно Пэро. Он тоже заметил меня, и, когда я вышел из вагона, уже спешил на встречу. Мы обнялись. Потом, слегка отпрянув, Пэро сильно сжал мои руки и произнес:

– Спасибо, Дастингс! Спасибо! – в его глазах мелькнула та благодарность, какая бывает у уличных животных, нежданно перехвативших от случайного прохожего кусок съестного или просто ласковый взгляд.

Мне захотелось сказать ему в ответ сразу побольше теплого и ободряющего, но неожиданно для себя, глядя в его добрые глаза, я почувствовал, что слова исчезли, а вместо них к горлу подкатил неприятный комок и какая-то сырость полезла в нос.

– Что это вы, – подавляя в себе внезапную слабость, пробубнил я, – ну что вы, в самом деле? Напугали меня до смерти, а сами, вон, как американский доллар сияете. Прекрасно выглядите, честное слово!

– Это от радости видеть вас, мой друг! Дайте-ка ваш саквояж.

– Ну нет, – воспротивился я, – он не для вас, я сам его понесу.

– Право, мой друг, если вы хотите обращаться со мной как с больным, это будет очень грустно.

К моей радости Пэро и не производил впечатления сдавшего человека. Даже небольшой румянец проступал на его щеках. Ну, может быть не тот, что прежде, но все же.

– Знаете, *mon ami*, – заговорил он, – я сейчас испытываю двойственное чувство. Неловко за это паникерское письмо и вместе с тем приятно так скоро заполучить вас. Сознаться, ведь столичная жизнь могла вас быстро засосать, и еще неизвестно, когда бы вы ко мне выбрались, а? Ну ничего, я сумею сделать ваше пребывание здесь приятным – этому поможет прекрасная природа и отличная французская кухня. Да, да! – обрадовано подтвердил он в ответ на мой удивленный взгляд. – Представьте, хозяйка, у которой я поселился, – француженка. Тридцать лет назад она вышла замуж за английского моряка. Благодаря этому у меня здесь прекрасный стол.

– Отлично Пэро, значит, никакая болезнь не портит вам аппетит?

– Кажется, это последнее, чего я в своей жизни лишусь, – засмеялся он, а потом проговорил тихо и с той грустной интонацией, которая встречается лишь у маленьких обиженных детей: – Ни одного расследования, Дастингс, ни одного за те два года, что мы не виделись. Это ужасно!

– Побойтесь бога, Пэро! – искренно возразил я. – Это же хорошо, что люди вокруг вас живут честной жизнью. Значит, общество становится лучше.

В ответ на это мой знаменитый друг задумчиво покачал головой.

– А так ли оно в действительности? – произнес он. – Жизнь людей, несомненно, стала благополучнее, но вот стали ли лучше они сами? Может быть, просто темные силы все реже

выступают на поверхность, теряют, так сказать, общественный лик и уходят внутрь человека? И только отдельные, кажущиеся случайными события показывают нам насколько все неблагополучно на самом деле?

– По-моему, это новая мысль Пэро, и что-то в ней есть безысходное.

– Ничуть, топ апи, ничуть, просто это значит, что борьба человека за самого себя продолжается.

Выйдя из здания железнодорожной станции, мы оказались в начале мощенной камнем уходящей вглубь зеленых лугов дороги с рядами могучих вязов по бокам. Дорога и деревья отдавали ухоженной стариной.

– Я думаю, прогулка после поезда по этой дороге доставит вам удовольствие, Дастингс. Здесь совсем недалеко, минут десять ходьбы по прямой, а потом поворот на ферму, где я поселился у той самой милой пожилой француженки.

– Судя по всему, это старая дорога Пэро? Не ведет ли она к какой-нибудь родовой усадьбе?

– Вы совершенно правы, мой друг, дорога упирается в поместье. Красивый дом восемнадцатого века. Принадлежал какому-то знатному роду, как и все земли вокруг. Но земля давно перешла к фермерам, а дом много раз перепродавался. Недавно его купил какой-то молодой удачливый промышленник. Они иногда проезжают тут большой компанией на автомобилях.

Минут через десять мы повернули направо и по неширокой земляной дороге направились к виднеющейся невдалеке ферме.

На пороге двухэтажного фермерского дома нас уже ожидала пожилая, но еще крепкая женщина, с которой Пэро меня тут же и познакомил. Как выяснилось, ее муж умер несколько лет назад, а оба взрослых сына имели неплохое образование и работали в городе. Сама же миссис Боул – так звали нашу хозяйку – полагала, что жить можно только в деревне. В молодости, во Франции, она тоже жила в сельской местности и много не хотела. Сама она занималась, главным образом, работой по дому. На ферме трудились два приходящих наемных рабочих, и, кажется, дела шли неплохо.

Меня тотчас отвели на второй этаж в небольшую чистую комнатку, которой надлежало стать моим кратковременным жилищем.

Из окна я увидел ярдах в двухстах крышу и карнизы большого строения. Остальная его часть была скрыта за верхушками деревьев. Как объяснила миссис Боул, это и была та самая усадьба. Прежних ее аристократических владельцев она не знала. Ко времени ее переезда сюда все уже было распродано, дом несколько раз менял хозяев. А полгода назад усадьба перешла к новым владельцам. Его купила молодая пара. Он немного постарше, а она совсем еще девочка – лет двадцать, наверное. И несомненно, иностранка. Бывают здесь наездами и всегда предупреждают ее, чтобы она оставила для них молока и сливок. Покупают много, потому что часто приезжают с гостями, и платить готовы сколько потребуется. Вот и сегодня туда проехали три автомобиля.

Еще через полчаса, переодевшись к обеду, я спустился вниз, где нас с Пэро ожидал действительно прекрасный стол, совершенно не схожий с традиционным скромным для сельской Англии набором блюд. Его украшением стал приготовленный на классической французский манер петух с тонкими разнообразными приправами и бутылка хорошего красного вина, которую Пэро выставил, несмотря на мои сомнения о совместимости этого напитка с его нездоровым сердцем.

Все было великолепно, как в лучшие старые годы, которые мы вскоре и начали вспоминать. Потом я рассказывал о жизни в Америке. Пэро был весел, с интересом слушал и много шутил. Проведя в таком приятнейшем настроении часа полтора и наговорив по окончании обеда благодарностей и комплиментов хозяйке, мы решили прогуляться.

День уже клонился к вечеру, но было еще светло. Решили пройтись до станции и назад, но когда за разговором оказались снова у дорожки к ферме, Пэро предложил пройтись еще, а заодно показать мне издали усадьбу.

Дойдя до нее, мы очутились перед широко открытыми железными воротами и остановились, дабы не вступать без спроса в чужие владения. Дом, видимо, был построен в середине XVIII века, но находился в превосходном состоянии. Двухэтажный, с большими высокими окнами и двойными полуколоннами в промежутках между ними. Смеркалось, и внутри уже горел свет. По центру здания располагался единственный вход – широкие стеклянные двери под полукруглым резным металлическим козырьком. Из-за дверей тоже пробивался электрический свет.

На площадке у дальнего конца дома я увидел три автомобиля. Два – больших черных, и один – ярко желтого цвета, небольшой, приземистый, спортивный.

– Не очень я в них разбираюсь, – перехватив мой взгляд, заметил Пэро, – но, кажется, все эти авто – последнее слово и моды и техники, а?

– Несомненно, – ответил я, – и очень дорогие. Причем тот, маленький-желтый, возможно, дороже прочих.

– Рассуждая логически, мой друг, этого никак не должно быть, – начал Пэро, однако развить эту мысль ему не удалось.

Входная дверь резко открылась и на площадку перед подъездом выскочил человек в темном смокинге. Это, пожалуй, единственное, что я сразу успел заметить. Сначала он ринулся к автомобилям, потом, заметив нас, развернулся и поспешил в нашу сторону.

– Господа, – еще на значительном расстоянии возбужденно заговорил он, – господа, не могли бы вы подсказать, как добраться до местного доктора или вызвать его по телефону? У нас несчастье, господа, и мы не знаем, что делать!

– Я могу указать вам дорогу к доктору, – ответил Пэро, – или дать его телефон, но это вам сейчас не пригодится. Доктор сегодня уехал в Лондон, я встретил его на станции, он вернется только завтра утром.

– Боже мой! – воскликнул незнакомец. – Но человеку нужна срочная помощь, а среди нас нет никого, кто бы понимал в практической медицине.

– Мой друг, мистер Дастингс, не врач, но человек военный, имеющий в этой области опыт.

– О, мистер Дастингс! – незнакомец с силой схватил меня за руки. – Все, что можно, умоляю!

– Ну конечно, конечно, я попробую, – в некотором замешательстве ответил я. Руки молодого человека так сжали мои запястья, что стало больно.

– Но что все-таки произошло, – спросил я, с усилием высвобождаясь из его тисков, – ранение, потеря крови?

– Нет, сами не понимаем. Сердечный приступ или глубокий обморок.

Мы быстро направились к дому. Незнакомец все время забегал вперед, просительно поглядывая на меня и повторял: – пожалуйста, сюда, будьте любезны...

Теперь я разглядел его лицо. Вряд ли ему было много больше тридцати пяти лет. Светлые коротко постриженные волосы, умный высокий лоб, глаза большие, серые. Спортивная стройная фигура. По облику он больше всего походил на преуспевающего офицера Королевского генерального штаба или полупрофессионального спортсмена из аристократических кругов.

– Пожилой человек? – спросил я, имея в виду того, кто нуждался в помощи.

– Нет, мы ровесники.

Прихожая представляла собой небольшой изящный вестибюль, освещенный старинной хрустальной люстрой. С каждой стороны на второй этаж вели две округлые дубовые лестницы,

прямо от входа через широко открытые двери был виден просторный холл, куда мы и вошли вслед за нашим провожатым.

Я не успел, да и не пытался рассматривать обстановку в холле, готовясь к тому ответственному делу, ради которого мы сюда поспешили. Тем не менее, нельзя было не заметить большой обеденный стол с десертными блюдами, бутылками вина и бокалами. За столом сидел только один человек – средних лет мужчина, тоже в смокинге и с теми мелкими деталями в одежде, которые должны были указывать на полное соответствие современной моде. Мне сразу показалось, что он был пьян.

Из холла мы прошли в двери направо и оказались в небольшом коридоре с несколькими комнатами. Дверь в первую из них была широко открыта. На пороге, повернув голову на звук наших шагов, стояла молодая, кажется, очень красивая женщина, в вечернем декольтированном платье.

– Джулия, – обратился к ней наш провожатый, – местный врач уехал в Лондон, а эти господа имеют медицинский опыт, я подумал...

– Пожалуйста, прошу вас сюда! – энергично прервала его женщина, приглашая нас жестом в комнату и входя туда первой.

Помещение представляло собой хорошо обставленный кабинет ярдов восьми в глубину. В его противоположном конце в кресле за письменным столом, откинув на спинку голову, полулежал человек с опущенными веками и полуоткрытым ртом. Его волосы, лоб и щеки были мокрыми, шелковая сорочка расстегнута. Пиджак и галстук валялись на стуле рядом.

В комнате находились еще два человека: средних лет мужчина с красивой седеющей шевелюрой и какая-то молодая дама с мокрым полотенцем в руках. Видимо, это они до нашего прихода пытались оказать несчастному первую помощь.

Я попробовал пульс... он не прощупывался. Наиболее вероятен, конечно, был сердечный приступ, и я немедленно распорядился составить несколько стульев и кресел в ряд, чтобы положить на них больного. После этого я расстегнул его сорочку еще на несколько пуговиц и начал активный массаж грудной клетки в области сердца, приказав придерживать голову, чтобы язык, западая, не препятствовал дыханию.

Слава богу, я неплохо владел сердечным массажем. Впрочем, кроме чисто технических навыков здесь нужны и немалые физические усилия.

Уже через три минуты пот выступил у меня на лбу и заболели кистевые мышцы. Никто не нарушал тишины, и я внимательно вслушивался в ожидании тех характерных горловых хрипов, которые обозначивают восстановление дыхания и активизацию сердечной работы. Еще через минуту меня кольнула паническая мысль, что помощь не действует, но я тут же подумал, что сердце несчастного, возможно, еще сохраняет хотя бы малую способность к движению и жизни, и значит, нужно заставить его заработать! Забыв про ноющие мышцы и пот, который уже стекал по вискам, я удвоил усилия и тут услышал тихий голос Пэро:

– Остановитесь, мой друг. К сожалению, вы делаете бесполезную работу, и делаете ее уже давно.

Этот тихий голос вдруг лишил меня сил и решимости и тут же вызвал естественную досаду.

– Да что же, Пэро, вы вмешиваетесь! – не сумев сдержаться, начал я.

– Увы, мой друг, – перебил он, не дав развернуться моему протесту, – ваш пациент был мертв уже тогда, когда мы вошли. Сожалею, что вынужден сообщить эту скорбную весть родственникам и друзьям покойного.

– Черт возьми! – воскликнула молодая особа. – Да кто вы такой, чтобы сообщать нам об этом, и как вы можете это знать?

Мне показалось, что в ее выговоре проступал иностранный акцент.

– Просто, мадам, вот по этой вещице. – Пэро указал на письменный стол.

Там стоял телефонный аппарат, лежала стопка бумаг, пара карандашей и раскрытая записная книжка, как мне показалось, с фамилиями и номерами телефонов. Она находилась у края стола напротив кресла, в котором мы обнаружили хозяина кабинета. Возможно, перед тем, как произошла трагедия, он вел телефонные разговоры.

Однако Пэро указывал на другое.

Чуть дальше, сбоку, стоял небольшой поднос с бутылкой испанского вина. Я не разглядел в точности дату на этикетке, но судя по первым двум цифрам, она была прошлого века. Вокруг стояло несколько рюмок.

– Вот здесь, – Пэро указал на ту, что можно было легко взять, протянув руку из кресла, – вот здесь был яд, которым и отравился ваш муж.

– Этого не может быть, – женщина быстро двинулась к столу, но Пэро с исключительной проворностью преградил ей дорогу.

– Это именно так, мадам, – тихо и вместе с тем решительно сказал он, – доверьтесь моему опыту.

– А кто вы такой, чтобы я вам доверяла?! – раздраженно воскликнула она, и чужой акцент отчетливее зазвучал в ее голосе.

– Я частный детектив Пэро, с вашего позволения, – тихо и не меняя интонации, ответил тот.

– Джулия, – вмешался господин с седой шевелюрой, – это детектив, очень известный... Ведь я не ошибаюсь? – обратился он к моему другу.

Пэро сделал некое подобие поклона, который можно было понимать в том смысле, что насчет известности он предоставляет судить другим.

– Детектив? – удивленно произнесла женщина. – Этого еще не хватало.

Потом она повернулась и посмотрела на покойного, и все, кто был в комнате, повернули головы следом за ней.

– Что же делать? – после небольшой паузы спросила она.

– Вызывать полицию, а до ее приезда покинуть эту комнату, оставив все на своих местах. – Это сказал Пэро, и все головы снова повернулись к нему.

Пэро достал из кармана маленькую записную книжку.

– Я знаю местного инспектора. Полагаю, можно воспользоваться этим телефонным аппаратом?

– Можно и этим, но есть и другой в холле. – Пойдемте, – она направилась к дверям и остановилась у выхода, ожидая, когда все покинут комнату. Потом, когда мы оказались в коридоре, она захлопнула дверь, повернула торчавший в замке небольшой бронзовый ключ и протянула его Пэро со словами:

– Возьмите. Вы ведь именно так хотели?

– Ну что вы мадам... – попробовал было возразить он.

– Возьмите, мне и положить его некуда, – она кивнула на свое гладкое облегающее платье.

Войдя в холл, хозяйка дома показала Пэро на стоявший в противоположном углу на круглом столике телефонный аппарат и села неподалеку от меня в кресло. Остальные тоже устало разместились кто-где.

Только сейчас у меня явилась возможность как следует рассмотреть присутствующих, а несколько позже я узнал и их имена.

Миссис Коллинз, жена, а точнее – вдова умершего Пита Коллинза, была, несомненно, красивой женщиной. Вместе с тем, и в тот первый день знакомства, и позднее я ловил себя на ощущении, что не могу до конца разглядеть ее лицо. Это было странное чувство. Как будто существовали еще и другие черточки, менявшие ее облик. Взгляд улавливал их и не успевал понять – лишь обозначившись, они тотчас ускользали. У нее были темные глаза, но не карие, а цвета ночного неба без звезд. Пышные, тоже темные волосы лежали застывшей волной. И

безукоризненно стройная фигура. Наверно, судьба ошиблась, отдав ей то, что предназначалось для нескольких женщин сразу.

Другой персоной женского пола в этой компании была мисс Маргит Хьюз. Привлекательная миниатюрная блондинка лет тридцати с небольшим, с хорошеньким чуть лисьим личиком.

Как выяснилось, в компании покойного мистера Пита Коллинза она занимала весьма ответственный пост – руководила ее юридической службой.

Майкл Картрайт – господин лет сорока пяти с красивой сединой и приятными немного орлиными чертами лица – оказался одним из ведущих администраторов компании.

Такое же положение занимал и наш первый знакомый, которого я уже в общих чертах описал. К этому остается добавить его имя – Генри Стентон.

И наконец, последний, о ком следует сказать, – тот самый странный господин, который так и просидел за столом в течение всего времени нашего пребывания в кабинете. Увидев его вновь, я убедился в неточности своих первых впечатлений, когда посчитал его всего лишь не очень трезвым, – он был в стельку пьян, хотя и умудрялся сохранять при этом респектабельный вид. Этот господин оказался старшим братом покойного Пита Коллинза, Гарри Коллинзом.

Скорее всего, ему было немногим за сорок, но можно было дать и больше, чему способствовали сильно поредевшие волосы. Он, впрочем, и сейчас старался хорошей фасонной стрижкой придать им достойный вид. Лицо одутловатое с небольшими, но давно сформировавшимися мешками под глазами. И с общим выражением мужественной привлекательности, дополненной сохранившимся от летних курортов загаром.

– Могу я, наконец, узнать, – с трудом, хотя и отчетливо выговорил он, – что произошло с моим братом. Могу или не могу?

Потому ли, что вопрос не был задан кому-то персонально, или по иной причине, но отвечать никто не стал. Все молчали. Было слышно, как Пэро начал говорить с инспектором.

– Я не понимаю, где мой мальчик... кто-нибудь ответит или нет?! – снова раздался пьяный голос.

Тут я заметил, что сидевшую напротив Маргит Хьюз колотит крупная дрожь. Видимо, нервное напряжение, не ощущавшееся в первые роковые минуты, теперь обнаруживало себя.

– Налейте мне рюмку коньяка, Майкл, – обратилась она к Картрайту.

Тот подошел к столу, наполнил сразу несколько рюмок и две из них отнес дамам. Потом он вопросительно взглянул в мою сторону, предлагая и мне свои услуги. Я отрицательно качнул головой.

– Мы забыли поблагодарить вас, – сказал он, – и, простите, даже не знаем вашего имени. Я представился.

– Спасибо, мистер Дастингс, – вяло произнесла миссис Коллинз, а Маргит и Стентон благодарно кивнули мне головой.

Пьяный господин, так и не дождавшись ответа, тоже решил поддержать компанию. Он неуверенно протянул руку к ближайшей бутылке и, зацепив ее за горлышко, потащил к себе. Бутылка наклонилась, и ее темно-красное содержимое должно было вот-вот политься на роскошную светло-зеленую скатерть. Все искоса наблюдали за этим свинством с одинаковым, как мне показалось, чувством безгливости.

Однако же Коллинз-старший с честью справился со своей задачей и, не пролив ни капли, почти до краев наполнил вместительный бокал.

– Инспектор Страйд будет здесь через двадцать минут, – сказал подошедший к нам Пэро. – Я неплохо знаю этого полицейского. Он участвовал в деле об убийствах в графстве Суссекс, вы, Дастингс, должны его помнить.

Я действительно вспомнил молодого белобрысого человека с похожей фамилией и хорошими манерами. Он был тогда помощником следователя и, в отличие от большинства поли-

цейских, с которыми нам приходилось иметь дело, с самого начала следствия относился к Пэро с искренним уважением.

– Я читал об этой громкой истории, – отреагировал мистер Стентон, – она случилась лет семь тому назад, если не ошибаюсь.

– Восемь, – поправил Пэро.

– Я тоже что-то читала об этих убийствах, – грустно заметила блондинка Маргит, – и ваше имя, мсье, тогда часто упоминалось.

– Мадонна! Какие убийства, при чем тут Сью... черт, не выговоришь, – раздраженно вмешалась миссис Коллинз, – в таких случаях думают о похоронах, а... а не обсуждают глупости. Послушайте, господин...

– Пэро, – подсказал Стентон.

– Пэро. Я не знаю ни вас, ни этого инспектора, и хочу, чтобы все эти следственные формальности закончились как можно быстрее. Если мой муж покончил с жизнью, это его дело и ни кого, кроме близких, оно не касается.

Тут я посмотрел на Коллинза-старшего, который все это не моргая слушал. И то ли сказанное его отрезвило, то ли мне просто почудилось – хмель с него слетел, и он собирается что-то сказать. Но этого не произошло, поскольку заговорил Пэро.

– О конечно, конечно, мадам. Я понимаю, как все это ужасно! Но от формальностей не деться. И их нельзя откладывать. Со своей стороны я могу помочь только тем, что сберегу ваше время, если, дожидаясь инспектора, сам задам несколько вопросов. По приезде инспектора Страйда я сделаю ему краткое сообщение о случившемся, и он быстрее закончит свою работу.

– Это хорошее предложение, Джулия, – заметил Стентон, – мы сэкономим время.

– Не возражаю, – слегка пожав, плечами ответила та.

– Благодарю, я не злоупотреблю вашим согласием в эти тяжелые для каждого минуты, – проговорил Пэро, сочувственно кивая во все стороны. – Естественно, начну с вопроса – кто первым обнаружил труп?

При этих словах Гарри Коллинз с шумом повернул свой стул в сторону говорящего, и мне опять показалось, что его взгляд лишен хмельного выражения.

– Пита обнаружил я, – ответил Картрайт.

– Простите, но будьте так любезны уточнить, при каких же именно обстоятельствах?

– Мы закончили обед, была небольшая пауза.

– Собирались пить кофе, – вставила Маргит.

– Да, – продолжил мистер Картрайд, – Джулия и Маргит убрали ненужное со стола, а остальные были здесь в холле, только Пит ушел к себе в кабинет.

– Он сказал, что скоро вернется, – опять вставила Маргит Хьюз.

– Ну а минут через пятнадцать я решил к нему зайти.

– Зачем?

– Простите?

– О, – спохватившись за слишком резко заданный вопрос, затараторил Пэро, – я имею в виду, не было ли это вызвано вашим беспокойством о нем. Вы, наверное, почувствовали что-то неладное?

– Нет, – покачал головой Картрайт, – не почувствовал. И ничего подобного не предполагал, просто хотел немного поговорить о делах компании.

– Если я вас правильно понял, ничто не предвещало такого события?

– Именно.

– И мне кажется, мы еще не вполне осознали случившееся, – добавил Стентон, – во всяком случае – я.

– Налейте нам еще немного коньяка, Генри, – попросила его хозяйка дома.

– Значит, никто кроме вас, мистер Картрайт, не видел покойного с того момента, как он направился отсюда в свой кабинет? – Пэро обвел всех взглядом, давая понять, что вопрос относится к каждому.

Ответом ему было молчание и несколько легких пожатий плечами.

– Итак, покойный мистер Коллинз вышел из-за стола и направился через эти двери к себе в кабинет. – Я посмотрел в направлении руки Пэро и увидел уже знакомый коридор, а в его конце стеклянную дверь кухни. – Дамы время от времени, я позволю себе так выразиться, циркулировали по этому коридору между холлом и кухней?

– Да, – подтвердила Маргит, тогда как миссис Коллинз смотрела в сторону от говорящего и, кажется, его не слушала.

– А вы, господа, – Пэро взглянул на мужчин, – все это время сидели здесь за столом. Я все правильно понял?

– С небольшим уточнением, – ответил Стентон. – Майкл и Гарри остались сидеть, а я перешел к тому столику с телефоном. И потом довольно долго разговаривал с Лондоном. Как раз, когда разговор закончился, поднялся шум, – он указал рукой в сторону кабинета.

– Понятно, – кивнул Пэро, – благодарю вас, господа. – Только еще один вопрос к вам, сударыня, – он повернулся к миссис Коллинз. – Было ли вам известно, что у вашего мужа имеется яд?

– У моего мужа, – ставя ударение на каждом слове, произнесла она, – имелись тонны яда. Он владел несколькими фармацевтическими предприятиями. А эти господа, – она указала на мужчин, – его помощники, к тому же химики-фармацевты.

– Да, мсье Пэро, – проговорил Картрайт, – каждый из нас мог бы отравить не только себя, но и половину Англии.

Мой друг уже приоткрыл рот, чтобы спросить что-то еще, но в этот момент все услышали звук автомобильных клаксонов.

– А, это Страйд, – заявил Пэро, – он добрался сюда даже раньше, чем обещал. Надо его встретить.

Он первым быстро направился в прихожую.

Инспектор Страйд прибыл в сопровождении помощника, констебля и медицинского фургона с двумя санитарями. Пожалуй, я бы не узнал его после стольких лет, да и то наше давнее знакомство было весьма кратковременным. Но вот он сразу выделил меня из числа присутствующих и сделал легким кивком приветственный знак, улыбнувшись при этом одними глазами.

Пэро тут же отвел полицейских в сторону и минуты две тихо рассказывал о происшедшем. Страйд слушал его не прерывая, и лишь когда мой друг закончил, о чем-то переспросил. Помощник делал записи в блокнот. Констебль – уже немолодой человек с мощной комплекцией и добродушным деревенским лицом – слушал с почтением, как должно выслушивать начальство. Видимо, Страйд по дороге сюда дал на этот счет кой-какие инструкции.

«Приятно, что хоть на старости лет полиция стала проявлять уважение к моему другу», – подумал я.

– Ну что же, – наконец громко произнес инспектор, – пройдемте на место происшествия. Вас, – обратился он к миссис Коллинз, – я должен пригласить с нами, а остальных прошу без моего разрешения порог комнаты не переступать.

Последние слова были произнесены вежливо, но жестко, поэтому все прочие после того, как дверь кабинета была открыта, разместились около порога. Пэро также встал неподалеку от дверей с внутренней стороны комнаты, давая этим понять, что он теперь человек посторонний, а вся полнота власти перешла в руки полиции.

– Вы не осматривали карманы покойного, может быть, там есть предсмертная записка? – спросил Страйд.

– Нет, инспектор, – ответил Пэро, – делать какой-либо обыск без вас я счел совершенно невозможным.

– Ну, с точки зрения закона это, конечно, правильно. Констебль осмотрите карманы, а вы Джон, – он обратился к помощнику, – посмотрите все на столе.

Оба проворно выполнили приказание, ничего полезного, впрочем, не обнаружив.

Затем, как тому и следовало, Страйд приступил к протоколу описания комнаты. Первое с чего он начал, был стол и находящиеся на нем предметы.

– Я вижу здесь четыре рюмки, – сказал он, поворачиваясь к нам, – вот в этой был яд, не так ли господин Пэро?

– Именно так.

Страйд, не прикасаясь к рюмке, нагнулся и втянул в себя воздух.

– Да, отчетливый запах яда цианистой группы. Но здесь еще три рюмки, – он наклонился над каждой, – без обонятельных признаков яда. Кто-нибудь может объяснить, почему они здесь?

– Да, господин инспектор, – тут же ответил Стентон, – мы с Майклом Картрайтом заходили сюда перед обедом втроем с... О господи! – неожиданно вырвалось у него, когда он указал на лежащее на стульях тело.

– Понимаю. Значит, вы втроем были здесь, выпили вина и пошли обедать?

– Совершенно верно, – подтвердил Картрайт, – мы вместе вошли, а потом вместе вышли, Пит запер дверь на ключ и положил его, я это прекрасно помню, в карман смокинга.

– Тогда откуда же взялась четвертая рюмка?

– Не знаю, – в замешательстве произнес тот. – Когда мы вошли, Коллинз снял вон оттуда с полочки три рюмки, наполнил их и мы выпили. Ведь так, Генри?

– Да, мы даже не присели. Пит собирался приобрести небольшую партию этого старого дорогого вина и хотел знать наше мнение.

– А четвертая рюмка?

– Нет, не было никакой четвертой.

– С вашего позволения, мадам, – Страйд посмотрел на Джулию, – мы эти рюмки заберем. А заодно и бутылку.

– Берите, – бесстрастно ответила та.

– Скажите, – снова обращаясь к ней начал Страйд, – а ваш муж...

Может быть, он произнес и что-нибудь еще, но я этого уже не услышал – стоявший чуть сзади Картрайд вдруг торпедировал меня, вытолкнув сразу на середину комнаты. Тут же оказался и он сам, и Генри Стентон, который, теряя равновесие, цеплялся за нас обоих. Одновременно я услышал женский визг и ощутил новый сильный толчок, от которого налетел на констебля, а тот, потеряв опору, начал хвататься за воздух.

– Где мой брат, черт вас всех подери!?! Это мой брат, а не ваш, прочь с дороги! – орал Коллинз-старший.

– Вы с ума сошли, куда вы лезете! – кричал уже Стентон, хватая его за плечо.

– Прекратите вы, пьяная скотина! – воскликнула Джулия, а потом поднялся общий гвалт и дикая толкотня с Коллинзом-старшим в центре. Еще через две-три секунды этот центр сдвинулся к столу и все задрезжалось, поехало и повалилось. Там, в этой гуще, оказались и обе женщины, инспектор, Картрайт, Стентон... Мы с констеблем, цепляясь друг за друга, болтались с краю водоворота и только Пэро так и остался где-то сзади у двери.

Неожиданно я услышал его голос:

– Быстро, Дастингс, рюмки и бутылку. Спасайте их, спасайте!

Я импульсивно дернулся в том направлении и увидел, как инспектор Страйд, стоя на четвереньках, всем своим телом пытается закрыть упавшие со стола предметы. Я очутился по другую сторону человеческого клубка, и о том, чтобы оказать ему помощь, не было речи. Однако

тут в действие вступил мой констебль, который, обретя, наконец, устойчивость, бросился к Коллинзу-старшему, правильно оценив его, как главную причину беспорядков. И оказалось, что очень вовремя, так как общая сумятица стала переходить в личную потасовку Стентона с Коллинзом. Оба уже вцепились друг в друга с покрасневшими от напряжения лицами, когда подоспевший констебль резко изменил ход борьбы. Вдвоем они быстро скрутили пьяного дебошира и вытащили его из комнаты. Сразу стало просторнее и понятнее что к чему.

Страйд по-прежнему занимал свою охранительную позицию поглядывая в разные стороны и пытаясь понять, прошла ли уже опасность.

– Джо-он, – позвал он своего помощника, – где вы?

– Я здесь, сэ, – раздался голос из самой гущи.

И только сейчас, когда Джулия, Маргит и Картрайт встали на ноги, я увидел помощника инспектора. Он оказался в самом низу и в буквальном смысле принял всю тяжесть борьбы на себя. При этом он умудрился удержать в одной руке ручку, а в другой блокнот.

– Вы в порядке? Ничего не сломано? – спросил я, подхватывая его под локоть и помогая встать.

– Не беспокойтесь, сэ, кажется, ничего.

– Вы молодчина, отлично все это выдержали.

– У меня не было большого выбора, – скромно ответил он.

– Идите сюда, Джон, – позвал его Страйд, – помогите. Черт побери, – тут же воскликнул он, – кажется, три рюмки – вдребезги!

Вдвоем они начали бережно подбирать осколки. Бутылка, впрочем, к удивлению оказалась целой.

– Надеюсь, mesdames, вы невредимы? – заботливо поинтересовался Пэро у женщин.

– О, да! – ответила Маргит, засовывая свою стройную миниатюрную ножку в потерявшуюся туфлю. – И это просто удивительно.

Ответ Джулии Коллинз прозвучал на чужом языке сквозь стиснутые от злобы зубы.

Страйд и его помощник быстро закончили сбор остатков погрома.

– Позовите санитаров, – приказал он появившемуся в дверях констеблю, – пусть забирают и увозят труп. А вы, Джон, заканчивайте протокол, я жду вас в холле.

Выходя в коридор, мы столкнулись с Генри Стентоном, который уже успел привести себя в порядок.

– Гарри вполне успокоился, – сообщил он.

– Приятно слышать, – саркастично ответил Страйд. – Он так тут поработал, что отдыха вполне достоин. Формально я имею право надеть на него наручники.

– Ну, бог с ним, инспектор, – примирительно заговорит Стентон, – Гарри пьян с середины обеда. Он всегда напивается на уик-эндах.

– Но все-таки не до такой степени, как сегодня, – зло заметила Маргит, – да и пил-то он не так уж много.

В комнату мимо нас прошли санитары с носилками.

– Мы произведем вскрытие и все необходимые анализы, – обращаясь к миссис Коллинз, сказал Страйд. – Это займет несколько дней. А всем вам, господа, я вынужден предложить пока не покидать этот дом. Сегодня было бы жестоко снимать с вас подробные показания, да и толку, я думаю, было бы не много. Но завтра я специально для этого сюда приеду. Возможно, и впоследствии нам придется встречаться, если понадобятся уточнения. С господином Пэро вы уже знакомы. Я имел однажды удовольствие проводить с ним совместное расследование. Разумеется, он лицо неофициальное, но все профессионалы чрезвычайно высоко ценят его мнение.

Мой друг сделал умоляющий жест, прося пощадить его скромность, однако я-то заметил, как было приятно ему услышать такие слова от молодого коллеги.

- Пойдемте, я подвезу вас, – предложил инспектор.
- Нет, благодарим. Мы с Дасти́нгом пройдемся пешком, подышим воздухом.
- Тогда до завтра.

Страйд пожал нам руки и вышел.

Мы с Пэро также попрощались, еще раз выразив свои соболезнования, и направились по коридору к выходу.

Проходя через холл, я увидел стоявшего лицом к окну Гарри Коллинза. У его ног валялся оброненный платок. Я сделал несколько шагов в его сторону, поднял платок и протянул ему. Коллинз не заметил этого. По его загорелому лицу ручьем текли слезы. Он плакал беззвучно, стараясь не вытирать, а сбрасывать слезы со щек, не видя ничего, кроме вечерней темноты за окном. Мне сразу сделалось тяжело от этого горького зрелища. Положив платок перед ним на подоконник, я быстро вышел.

– А знаете, мой друг, – обратился ко мне Пэро, когда мы вышли через ворота и направились по тихой, освещенной луной дороге, – ожидая с нетерпением вашего приезда, я надеялся увидеть не только старого друга, я надеялся на нечто большее. Вместе с вами в мою жизнь всегда входила какая-то новая история. Нет, нет, не подумайте, что я радуюсь случившемуся в этом доме несчастью! Просто я говорю о судьбе, которая в очередной раз связала нашу дружбу с... как это говорил один знаменитый русский писатель – с преступлением и наказанием.

– Вы уверены, что это именно преступление, покойный был отравлен?

– Нет, совсем не уверен. Мы слишком мало еще знаем об этом деле, этих людях. Но ведь и самоубийство является преступлением, во всяком случае, по христианской морали. Если человек, имея здоровое тело, ум, деньги, наконец, которые могут быть обращены на пользу многим людям, убивает себя от пресыщенности жизнью или из-за каких-нибудь семейных и прочих дрязг, это преступление, Дасти́нгс. И против бога, и против природы.

– Ничего не остается, как согласиться с вами, но все-таки очень странно, что человек мог покончить с жизнью вот так, без каких-либо видимых причин.

– Без видимых для нас, это будет точнее. А еще точнее – по причинам, пока нам еще неизвестным.

Чуть помолчав, он снова заговорил:

– Мы же не знаем, какие отношения у него были с молодой итальянской женой? Как складывались дела его большого бизнеса? В конце концов, почему мы знаем, может быть, неожиданно выяснилось, что он неизлечимо болен? Подождем, топ ами. Страйд обещал завтра после снятия с них свидетельских показаний заехать к нам и все обсудить. Возможно, что и результаты вскрытия к тому времени что-то покажут.

Вернувшись домой, мы провели остаток вечера в удобных креслах у камина и почти не говорили о трагических событиях, свидетелями которых так неожиданно стали.

Утром следующего дня я проснулся не сразу. В еще сонной голове путались дни, проведенные на пароходе, волны Атлантики, Лондон, встретивший меня дрызлом – мелким дождичком, летящим не с неба, а со всех сторон. Я совсем отвык от такой погоды в американских краях, но все-таки до чего же приятно быть дома.

Сначала я подумал, что проснулся в своей лондонской квартире. Потом, открыв до конца глаза, понял, где нахожусь и вспомнил все вчерашние события.

Когда я спустился к завтраку, Пэро уже поджидал меня.

– Не сомневаюсь, Дасти́нгс, что вы отлично спали эту ночь, – объявил он, приветствуя меня.

– Да, просто великолепно. Но и сами вы, наверно, неплохо спите на этом чудесном воздухе. Вид у вас, ей-богу, лучше, чем два года назад перед моим отъездом в Америку.

– Да, мой друг, ваш приезд необыкновенно взбодрил меня.

– Или ваши силы прибавились от того, что ожили серые клеточки? А, сознавайтесь Пэро!

– Ну-ну, – опуская глаза, быстро заговорил он, – об этом рано еще толковать. Давайте-ка лучше завтракать. У миссис Боул превосходные сливки, мой друг, лучшие во всей Англии.

Сливки действительно оказались отменными, как, впрочем, и другие, пронизанные свежестью продукты.

Подавая нам чай, миссис Боул уведомила, что местные жители уже поговаривают о каком-то несчастье в усадьбе. Один из ее работников заявил даже, что кто-то убит.

– О, никто не убит мадам, – невозмутимо ответил Пэро, – просто хозяин дома принял по ошибке другое лекарство и, имея больное сердце, вызвал этим приступ с увы трагическим концом.

– О боже, какая несуразная смерть! И в такие молодые годы.

Миссис Боул долго вздыхала и качала головой, а я подумал, что, наверное, немалое число сельчан, проживших многие годы в этом милом деревенском однообразии, в глубине своих простых сердец надеются на что-нибудь гораздо более загадочное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.